

АНАЛИЗ РАЗГОВОРА В СОЦИОЛОГИИ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Слободянюк Анатолий Григорьевич – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Дикань Богдан Александрович – студент социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В статье рассматриваются элементы конверсационного анализа (анализа разговора), которые содержатся в теоретических разработках Гарольда Гарфинкеля и Ирвина Гофмана. Как отдельное направление социологического знания и область исследований конверсационный анализ был предложен учеником названных социологов-классиков Харви Саксом. Нами предпринята попытка систематизации гарфинкеле-гофмановского анализа разговора в виде каталога, что позволяет наглядно продемонстрировать теоретические истоки конверсационного анализа Х. Сакса. Создание подобного каталога является наиболее приемлемым и продуктивным подходом в виду стилистических особенностей Г. Гарфинкеля (отмечаемая рядом исследователей «специфичность» его научного языка), и И. Гофмана, дополнившего тезаурус социологии множеством новых понятий. Среди фундаментальных понятий каталога мы выделяем следующие: «здоровомыслящие дураки», «индексальные выражения», «фреймо-фонное ожидание». Для иллюстрации эвристической адекватности того или иного понятия и его практической применимости в эмпирическом исследовании, в тексте статьи приводятся результаты анализа так называемых «гарфинкеллинггов». Завершают статью размышления о возможностях применения и перспективах развития данного направления в общем контексте современного социологического знания.

Ключевые слова: конверсационный анализ, анализ разговора, этнометодология, социодраматургический подход, каталог, здоровомыслящий дурак, фоновые ожидания, фрейм, фреймо-фонные ожидания, индексальные выражения, гарфинкеллинг.

У статті розглядаються елементи конверсаційного аналізу (аналізу розмови), які представлені у теоретичних розробках Гарольда Гарфінкеля та Ірвіна Гофмана. Як окремий напрямок соціологічного знання та галузь досліджень конверсаційний аналіз був запропонований учнем зазначених соціологів-класиків Харві Саксом. Ми здійснили спробу систематизації гарфінкельсько-гофманівського аналізу розмови у вигляді каталогу, що дозволяє наочно продемонструвати теоретичні витoki конверсаційного аналізу Х. Сакса. Створення такого каталогу є найбільш прийнятним та продуктивним підходом через стилістичні особливості Г. Гарфінкеля (а саме, «специфічність» його академічного стилю, яку зазначає низка дослідників) та І. Гофмана, який збагатив тезаурус соціології безліччю нових понять. Серед фундаментальних понять каталогу ми виділяємо наступні: «здоровомислячі дурні», «індексальні висловлювання», «фреймо-фонові очікування». Для ілюстрації евристичної адекватності понять та їх практичної придатності для емпіричного дослідження ми наводимо результати аналізу так званих «гарфінкелінгів». Наприкінці статті наведено міркування щодо можливостей практичного застосування та перспективах розвитку цього напряму у загальному контексті сучасного соціологічного знання.

Ключові слова: конверсаційний аналіз, аналіз розмови, етнометодологія, соціодраматургійний підхід, каталог, здоровомислячий дурень, фонові очікування, фрейм, фреймо-фонові очікування, індексальні висловлювання, гарфінкелінг.

The article deals with the elements of conversational analysis, which can be found in the theoretical works of Harold Garfinkel and Irwin Hoffman. As a separate course of sociological knowledge and the branch of sociological studies, it was offered by a student of masters of modern sociology Harvey Sachs at the times of scientific "turn" in sociology in the second half of the twentieth century. As this trend is far from the main concepts of the two social scientists, the authors of the article offer to consider the concept of Garfinkel-Goffman conversational analysis as a directory. This form is most appropriate in view of the stylistic features of G. Garfinkel that appears in the specificity of his scientific language and I. Goffman's

predisposition to creating of new terms. Among the fundamental concepts we pay attention to such as: "sane fools", "index expression", "and frame-background expectation". To confirm the practical use and empirical reliability of these concepts analyzes of so-called "garfinkelings" are used. At the end of the paper ideas regarding the practical usage and prospects of development of this approach in the general context of modern sociological knowledge are given.

Keywords: conversational analysis, ethnomethodology, socio-dramatic approach, directory, sane fools, the background expectations, the frame, the index expression, garfinkelling.

Конец XX века для социологии ознаменовался тесным взаимодействием с другими науками, что воплотилось в так называемых «поворотах» (turns) [10, с. 23]. Среди них выделяют и *лингвистический поворот*, характеризующий обращение социологов к изучению коммуникации, общения в их вербальном и невербальном проявлениях [10, с. 24]. Это дало основания для очередного расширения предметной области социологии и легитимизировало обращения социологов к исследованию роли языка в обществе. На этой почве возникло еще одно ответвление на древе социологического познания – анализ разговора или конверсационный (от англ. conversation – разговор) анализ.

Как отдельное направление социологического знания конверсационный анализ был детально разработан американским социологом Харви Саксом, на которого оказали очень большое влияние идеи Ирвинга Гофмана и Гарольда Гарфинкеля, являвшихся его учителями и старшими коллегами. Сами «учителя» не выделяли анализ разговора в своих трудах в качестве отдельной сферы эмпирических исследований, однако именно их работы содержат материал, сделавший возможным возникновение конверсационного анализа в социологии; можно сказать, что заслуги Х. Сакса во многом состоят в последовательной экспликации их идей¹.

Разработки проблем, связанных с коммуникацией в повседневном взаимодействии, осуществленные этими теоретиками – классиками современной социологии, опередили время. Однако, опираясь исключительно на гофмановский социодраматургический анализ и классическую этнометодологию, невозможно анализировать формы коммуникации, возникающие благодаря изобретению и популяризации новых технологических средств – «медиаумов», а ведь именно это и является важнейшим фактором актуализации данной исследовательской области сейчас. Изменяющиеся условия требуют адаптации сложившейся методологии к изучению новых реалий. Осмысление идей указанных классиков является необходимым для дальнейшего развития подхода и наиболее полного раскрытия его эвристического потенциала, что позволит применить его объяснительные возможности для разрешения новых вопросов, которые современная подвижная и «текучая» (Зигмунд Бауман) социальная жизнь ставит перед социологической теорией и эмпирической социальной аналитикой. Таким образом, *цель* статьи состоит в том, чтобы определить роль концепций Гарфинкеля и Гофмана в формировании социологического анализа разговора (конверсационного анализа) как отдельного направления социологического знания, вычленив наиболее продуктивные идеи и понятия и, благодаря этому, обозначить эвристический потенциал данных концепций.

Non-fiction

Для того, чтобы охарактеризовать специфику этнометодологии, современный российский социолог Леонид Ионин применяет неологизм «нон-фикшн». «Нон фикшн — это описание или репрезентация предмета, которая представлена как факт. Эта репрезентация может быть точной или нет, она может давать правильное или ложное описание предмета. Однако обычно считается, что авторы таких описаний верят, что они истинны в момент их составления ... Нон-фикшн не обязательно представляет собой написанный текст, поскольку картинки и фильмы также могут представлять фактическое описание предмета... Эссе, журналы, документации, научные статьи, фотографии, биографии, учебники, чертежные синьки, техническая документация, руководства пользователя, диаграммы и журналистика — это распространенные примеры работы нон-фикшн... Другие работы могут относиться и к фикшн, и к нон-фикшн — это письма, журналы, статьи, истории, веб-сайты, речи и рассказы о путешествиях...» [9, с. 89]. Интерпретируя этнометодологическое исследование как образец документалистского жанра (нон-фикшн), Ионин подчёркивает такие отличительные черты данного подхода, как эмпиризм и, что особенно важно, внимание к фактам, какими бы тривиальными они не представлялись с первого взгляда. Те же черты очень ярко проявляются и в социологии И. Гофмана. Как и этнометодологи, он считал, что сверхзадача

¹ Что, разумеется, не означает, что эти идеи не получили у Сакса закономерного развития и не были дополнены принципиально новыми оригинальными мыслями.

«заглянуть за “ширму” (видимую повседневность») может быть выполнена только при условии скрупулёзного внимания к мелочам, которые только кажутся незначимыми. Эти авторы без всяких соинений согласились бы со старой поговоркой: «Бог кроется в мелочах»².

Цель, которую мы поставили перед собой в настоящем исследовании, не может быть достигнута без детального анализа понятийного аппарата, который разработали и применяли рассматриваемые авторы. Мы считаем, что каталогизация является наиболее удобным способом свести понятия, касающиеся конверсационного анализа, «под одну крышу» (как сравнительно немногочисленные, но крайне значимые в этом плане наработки И. Гофмана, так и идеи, базовые понятия Г. Гарфинкеля). Далее мы освещаем перспективы создания такого проекта.

«Здравомыслящие дураки»

Термин «здравомыслящие дураки» Гарфинкель применяет для обозначения «человека-в-обществе-сконструированном-социологом, который воспроизводит устойчивые свойства общества, действуя в соответствии с предустановленными и легитимными альтернативами поведения, предоставляемыми ему общей культурой» [5, с. 64]. Иначе говоря, столь нелестную характеристику у него получает абстрактная социологическая модель человека, «homo sociologicus» (Ральф Дарендорф). Появление этого термина и связанных с ним идей вполне логично в общем контексте этнометодологической критики формального анализа в социологии. Этнометодолог утверждает, что традиционная социология очень часто ошибается в своих ожиданиях относительно человеческого поведения. Для подтверждения этого он приводит результаты одного из своих кризисных экспериментов («гарфинкелингов»), который состоял в том, что его участники должны были торговаться при покупке в местах, где это не принято (супермаркет, фаст-фуд и пр.). Гарфинкель стремится доказать поверхностность и сомнительную адекватность формального анализа с использованием базового набора понятий и идей «классической социологии». По крайней мере для Гарфинкеля, этот «формальный анализ» должен строиться на абсолютизации такой ключевой идеи, как «девиантное поведение», девиантность которого в этом случае состоит в нарушении институционализированного правила единой цены как составляющего института контракта. Неизбежным выводом, следствием такого хода мысли будет ожидание того, что все участники эксперимента будут испытывать выраженный дискомфорт: студентов-покупателей должен неотвратно терзать «стыд и страх», а продавцы должны чувствовать «обеспокоенность и гнев». Вопреки приведённым выше «социологическим» ожиданиям, на практике оказалось, что многие участники-студенты справились с заданием отнюдь не без удовольствия. Что касается продавцов, то не так уж много из них проявили заметную обеспокоенность. Приведя такую иллюстрацию, Гарфинкель считает возможным сделать вывод о нецелесообразности использования «здравомыслящего дурака» как традиционного социологического когнитивного клише [5, с. 65].

Хочется однако заметить, что ученый, взяв в качестве довода результаты одного эксперимента, проигнорировал результаты многих других, некоторые из которых, заметим, вполне могут послужить доказательством обратного – реальной онтологии «здравомыслящего дурака» как стратегии поведения, которую реализует время от времени практически каждый член общества. Очень показателен в этом вопросе кризисный эксперимент, который состоял в том, что его участники в ходе разговора (они считали, что коммуницируют с психологом, а эксперимент был заявлен как апробация альтернативных форм психологического консультирования) получали ответы на вопросы, сформулированные так, что на них можно ответить либо «да», либо «нет». «Жертвам» заранее объяснили, что они получают ответы только в такой форме³, но они не знали, что ответы воспроизводятся в случайном порядке, независимо от того, что было задано. После получения каждого ответа каждый участник давал ему комментарий, пытаясь тем самым разъяснить причину и смысл того, что он услышал. Оказалось, что даже для самых абсурдных, противоречащих предыдущим ответам, «жертвы» умудрялись в большинстве случаев найти обоснование, более или менее отвечающее здравому смыслу (а в некоторых случаях даже согласиться с полученной «рекомендацией психолога»). По сути, данный гарфинкелинг – экспериментальное доказательство реального существования «эпохе» в щютцевском смысле⁴. Но в то же время, этот (и ряд других гарфинкелингов) наглядно нам показывают, что, на самом деле, «здравомыслящий дурак» обеспечивает конститутивные ожидания участника интеракции (разговора в частности). И с учётом этого, предложение окончательно и бесповоротно отказаться «здравомыслящего дурака» как социологической модели выглядит довольно

² Заметим, что в другом варианте этой поговорки в мелочах кроется уже Дьявол. Однако для рассматриваемых авторов, крайне чуждых аксиологическому подходу, это, вероятнее всего, не столь уж важно.

³ И, соответственно, должны правильно формулировать вопросы, чтобы «психотерапевт» мог им дать ответ.

⁴ Эпохе (Époque) – «воздержание, остановка, самообладание». В феноменологии Альфреда Щютца – понятие, обозначающее фундаментальное свойство «сознания-в-повседневности», состоящее в том, что актер воздерживается от сомнений в объективности социальной реальности и осмысленной целесообразности повседневных событий и практик см. [11]

сомнительным. Радикализм Гарфинкеля в данном вопросе, скорее всего, есть не что иное, как понятное следствие новизны высказываемой им идеи, хотя сама идея отнюдь не лишена смысла и может быть очень продуктивной (если, опять таки, и её не абсолютизировать). Конструктивное зерно здесь, по нашему мнению, состоит в призыве к отказу от абсолютизации «здоровомыслящего дурака» и признанию контекстуальной природы этой модели человека. То есть, для поведения одного и того же субъекта в одной ситуации данное клише – вполне адекватное средство описания, а в другой – совершенно не соответствует ему⁵.

Индексальные выражения

Термин «индексальные (индексивные, индексные) выражения» присутствует как в этнометодологии, так и в гофмановском фрейм-анализе разговора. Гофман пишет, что они «ориентированы, например, на определенное время, место говорящего и слушающего и соответствуют именно тому окружению, в котором произносится высказывание, и которое противопоставляется внешнему окружению или внешней обстановке» [8, с. 609]. «Их значение связано с тем, кто говорит, а использование зависит от отношения говорящего к тому объекту, к которому относится слово. Время для временного индексного выражения, релевантно тому, что оно обозначает. Какое именно место обозначает пространственное индексное выражение точно также зависит от местоположения говорящего». [6, с. 13]

Гарфинкель относится к этому приёму коммуникации крайне насторожено и говорит о необходимости замены (особенно, в науке, судопроизводстве или в ведении документации) индексальных выражений на объективные. Но как? У нас возникает сомнение по поводу реалистичности данного проекта, схожего по заявленным масштабам с конфуцианским «исправлением имён». Даже в математике символ может иметь разные значения, зависящие от контекста. Гофман, напротив, видит индексальные выражения неотъемлемым средством коммуникации, широко применимым⁶ и позволяющим даже «воздавать должное общественному положению и социальным связям друг друга» [цит. по 9, с. 609]. Говоря об индексальных выражениях, следует отметить ещё один социально значимый аспект: использование их в диалоге – это всегда видимая (а нередко и демонстративная, намеренно используемая, «сигнальная») отсылка к некоторому общему знанию, разделяемому участниками диалога, а соответственно – и к общей для них реальности, общему опыту. Возможность использовать индексальные выражения говорит о принадлежности участников диалога к одной мы-общности (общаясь с «Чужим» мы не автоматически лишаемся возможности использовать этот приём). Таким образом, количество индексальных выражений, их доля в диалоге, является показателем, который может наглядно свидетельствовать о социальной дистанции коммуницирующих⁷. Конечно, эти наблюдения, впрочем, сложно назвать неожиданными, скорее они похожи на строго научную операционализацию житейской характеристики «понимать с полслова», дающую, однако, перспективы количественного измерения показателей дистанции/близости.

Также некоторые авторы обращают внимание на неоднозначность повседневного языка (и использование индексальных выражений в первую очередь) в контексте конструирования структур повседневного взаимодействия. Эти исследователи приписывают им функцию освобождения от определённости, заданности и однозначной предписанности чего бы то ни было «...мы в повседневности отнюдь не всегда хотим все знать в точности. Язык повседневности расплывчат, но это не является недостатком. Это облегчает коммуникацию, так как каждый может определить для себя совместную реальность» [1, с. 122]. В таком ракурсе можно говорить, что несовершенство механизмов повседневной коммуникации является залогом возможности относительно безболезненного и не налагающего особой ответственности выбора стратегий поведения.

Учитывая представления обоих авторов, скажем, что индексальные выражения представляют собой динамичную часть структуры разговора. О его статичной части, к которой мы отнесем фрейм-фонное ожидание, речь будет идти дальше.

Фрейм-фонное ожидание

В статье «Концепция и экспериментальные исследования “доверия” как условия стабильных согласованных действий» Гарфинкель описывает фонные ожидания, используя в качестве базового примера социального взаимодействия упорядоченную игру. Автор стремится показать «стержень», на

⁵ Заметим, что данная идея сама по себе ставит ряд очень интересных вопросов. Так, например, очень интересны общие закономерности развития ситуаций, в которых «здоровомыслящий дурак» (вернее максимальное приближение к нему) встречается с субъектом, носителем принципиально иной логики действий.

⁶ В этом плане весьма показателен стиль письма Гофмана. Его тексты являются самым наглядным подтверждением лояльного отношения автора к индексальным выражениям (а так же метафорам и прочим приёмам, правомочность применения которых в научных текстах – вопрос весьма дискуссионный).

⁷ Естественно, общая закономерность заключается в том, социальная дистанция обратно пропорциональна доле индексальных выражений в коммуникации.

котором «держится» любая из игр, универсальные конструктивные элементы игры, выделенные благодаря изучению правил множества реальных игр. Гарфинкель говорит об универсальных переменных, позволяющих выделить «один набор правил этой игры, отличающихся от всех прочих тем, что они демонстрируют следующие три свойства.

1) С точки зрения игрока, они очерчивают набор альтернативных площадок игры, числа игроков, последовательностей ходов и т. п., выбор которого игрок ожидает независимо от своих желаний, обстоятельств, планов, интересов или последствий выбора для него самого или для других.

2) Игрок ожидает, что тот же набор требуемых альтернатив обязателен для другого игрока так же, как он обязателен для него.

3) Игрок ожидает, что так же как он ожидает вышеуказанное от другого человека, так и другой человек ожидает это от него».

Эти перечисленные принципы, свойства получили название «конститутивное ожидание» [7, с. 13].

Мы считаем, что продуктивным будет создание гибридного понятия – «фреймо-фоновое ожидание», что становится возможным благодаря тематической близости исходных понятий. О их принципиальной близости говорит даже схожесть метафор, используемых авторами для их объяснения. Так, Г. Гарфинкель обращает внимание на то, что социологи выбирают для своих занятий «знакомые испытуемым обстоятельства, такие, как домашняя обстановка или рабочее место, и ищут переменные, обеспечивающие устойчивость [характеристик повседневных занятий]» [5, с. 43]. Однако, как замечает автор, почему-то аспекты этих обстоятельств – социально стандартизованные и стандартизирующие, «видимые, но не замечаемые», ожидаемые, фоновые черты повседневных событий» [5, с. 43] обычно не рассматриваются социологами с подобной точки зрения. В то же время «члены общества как раз эти фоновые ожидания и используют в качестве схемы интерпретации реальности, благодаря чему совершающиеся здесь и теперь события становятся для них узнаваемыми и доступными пониманию как «проявления-знакомых-событий» [5, с. 43]. Или иначе говоря, их интерпретационная схема отбирается из ряда возможных благодаря определению контекста, в котором происходит событие. Этот процесс можно сравнить с библиографическим описанием издания: «{(автор) & (заглавие) & (область ответственности) & (область издания)} – значения в скобках могут меняться» [5, с. 42]. На самом деле, эту метафору использует И. Гофман для пояснения сути фрейма! А определение он дает следующее: «фрейм – это перспектива восприятия, создающая формальные (такие, которые имеют форму) определения ситуации» [8, с. 42].

Таким образом, и «фрейм», и «фоновые ожидания» – это в некотором роде шаблоны, используемые актором для стереотипизированной интерпретации ситуации. Для обоснования целесообразности создания и использованию понятия «фреймо-фоновое ожидание» мы хотим отдельно указать, что нового нам может дать такое искусственное совмещение понятий⁸. Данная терминологическая конфигурация имеет, по нашему мнению, комплекс крайне перспективных смысловых акцентов, поскольку заимствует из этнометодологического источника неотъемлемое указание на нерелексивность и укоренённость в привычной повседневной рутине (более подробно об этом см. ниже), а от И. Гофмана – выраженный структуралистский контекст (т.к. фрейм по сути не может быть ничем кроме скрытой структурирующей структуры). В дальнейшей работе с данным понятием перспективными нам видятся попытки интегрировать с ним в целостный понятийный комплекс другие концепты современной социологической теории восприятия. Мы считаем возможным обогащение го эвристических возможностей благодаря использованию вместе с концептами Пьера Бурдьё, в первую очередь, такими как «габитус», «схемы восприятия, оценивания, действия», «чувство позиции», «классовое бессознательное» (по данному вопросу см., напр. [3], [4]). Определение соотношений этих понятий может позволить построить целостную, логически непротиворечивую и практически применимую объяснительную схему. Так же может оказаться вполне продуктивным использование некоторых феноменологической социологии (в частности – идей Питера Бергера и Томаса Лукмана [2])⁹. Однако разрешение этих задач несомненно выходит за рамки, очерчиваемые целью настоящей статьи.

Неосознанность как условие стабильности

Ещё одним общим местом в идеях Гофмана и Гарфинкеля является констатация того, что, в большинстве случаев, для актора является весьма проблематичной задача описания ощущений «фона»

⁸ Иначе говоря, показав их близость и схожесть, мы теперь должны обозначить и их отличия, для того, чтобы хоть в самом первом приближении показать, какие новые познавательные возможности перед нами могут открыться благодаря их сочетанию.

⁹ Концепции Гофмана и Гарфинкеля, конечно, и так можно охарактеризовать как «феноменологически ориентированные», возникшие под воздействием социальной феноменологии и впитавшие её важнейшие идеи. Но мы полагаем, что и на нынешнем этапе в феноменологии (в силу как минимум её фундаментальной многогранности) могут найтись положения, полезные для развития конверсационного анализа.

своих рутинных практик. Более того, эта задача является во многом искусственной, «нормальное» течение повседневной жизни не ставит подобных задач, они актуализируются в кризисной ситуации – естественной или искусственно созданной экспериментатором. Так, И. Гофман пишет о фреймах: «Как правило, фреймы не осознаются субъектом, и попытка их экспликации и уяснения приводит к дезорганизации восприятия. Например, если управлять собственной речью или анализировать мотивы и цели поведения, то речь может стать бессвязной, а поведение – девиантным». [8, с. 42]

Это утверждение Гофмана очень удачно иллюстрирует один гарфинкелингов. «Студенты получили задание повлечь кого-нибудь из своих знакомых или друзей в обычный разговор и, никак не показывая ему, что экспериментатор просит о чем-то необычном, настаивать, чтобы этот человек прояснял смысл своих обычных высказываний.

Случай 6: Жертва приветливо помахала рукой.

(И) Ты как?

(Э) В каком отношении я как? В отношении здоровья, денег, учебы, расположения духа...?

(И) (покраснев и внезапно выходя из себя): Послушай, я просто хотел быть вежливым, откровенно говоря, мне совершенно наплевать, как ты!» [5, с. 48].

Таким образом, именно неосознанность, нерелексивность, как это ни парадоксально, является социально конструктивной и выступает условием непроблематичного воспроизводства повседневных рутин. Описания классических гарфинкелингов, в которых студентов просили поддерживать искусственную дистанцию при взаимодействии с родными у себя дома, изобилуют драматическими пассажами наподобие: «Знакомые объекты - в первую очередь, конечно, люди, но также и мебель, и вся обстановка комнат - сопротивлялись стараниям студентов думать о них, как о незнакомых», а так же признаниями в том, что осознание того, «каким именно образом совершаются привычные движения: как, например, человек управляется со столовым прибором, как он открывает дверь или приветствует другого члена семьи» [6, с. 49] отнюдь не повышает эффективности в этих действиях, а скорее даже наоборот.

На чем стоит Вавилонская башня

Упоминание легенды о Вавилонской башне в настоящей статье может произвести впечатление трюизма. Тем не менее, с её помощью мы хотим ещё раз подчеркнуть фундаментальность значения организованного с помощью языковых средств социального взаимодействия. Еще в начале прошлого века И.П. Павлов, рассуждая о второй сигнальной системе, отмечал, что слово может стать как причиной заболеваний человека, так и средством, ведущим к выздоровлению. Что же говорить тогда о роли слова в постмодернистском обществе, важность языковых символов в котором отмечали, например, такие признанные мэтры социологии как Ж. Бодрийяр и Г. Маркузе. Общество, в котором тиражируемая и распространяемая с помощью технических средств информация настолько важна, что в рефлексии относительно его природы возникают и получают широкую поддержку у научного сообщества такие его характеристики, как «информационное» или «общество знаний»?

Мы определили, что наиболее подходящим методом для обобщения вклада Г. Гарфинкеля и И. Гофмана в становление и развитие разговорного анализа является формирование каталога понятий и предложили вариант такого каталога. Напомним, что Гарфинкель и Гофман высказали свои идеи в то время, когда еще не было сети Интернет, мобильной связи и пр. Соответственно, многие коммуникативные практики (в том числе и весьма популярные у наших современников: общения на форумах и чатах, коммуникация в социальных сетях, использование мобильного телефона для переписки в режиме SMS и пр.) просто не могли попасть в поле их исследований. Но, стоит заметить, что уже тогда в рамках этнометодологии обратились и к изучению коммуникации, опосредованной техническим средством (ученик Г. Гарфинкеля Э. Щеглов разработал методiku анализа телефонного разговора). Это говорит о том, что, во-первых, традиция разговорного анализа не сводима к изучению исключительно ситуаций, организованных по образцу «лицом к лицу». Этнометодология обладает и методологическими наработками, предназначенными для изучения медиа-опосредованных коммуникаций, которые можно адаптировать для анализа взаимодействий, опосредованных самыми современными медиа-ресурсами и использующих новейшие медиа-технологии.

Современные лингвисты нередко высказывают опасения по поводу того, что из-за широкого распространения чат-общения и общения посредством СМС меняется структура языка, он упрощается. Социология в этом вопросе может дополнить сугубо лингвистические исследования. Ответы на вопросы о социокультурных факторах, порождающих подобные явления, социоструктурных особенностях и социальных локусах их бытования (в т.ч. вопрос, о том, насколько эти новые коммуникативные стили оказывают воздействие на ритмику и содержательность иных, не опосредованных медийно коммуникаций) – это то, что должна дать общество социология, учитывая реальный социальный запрос на эти ответы и оправдывая таким образом свои претензии на роль инструмента саморефлексии общества.

В свете объективно обусловленного повышения интереса к анализу разговора различных учёных, представителей самых разных гуманитарных дисциплин, гуманитариев к анализу разговора, особо перспективным может быть междисциплинарность, которая, впрочем, является вполне традиционной для данной сферы социологического теоретизирования¹⁰.

Эмпирические исследования, связанные с анализом разговора, могут и выступать той областью, также позволяют расширить арсенал применяемых в социологии методов и методологических приёмов. В первую очередь, на наш взгляд, речь идёт о возможности обогащения социологии за счёт дальнейшей интеграции в неё достижений лингвистики¹¹ и такой новой, синтетической по своей природе науки, как коммуникативистика (например, «локуция», «имлокуция», «перлокуция», «констатив», «перформатив» и пр.). Методологические разработки семиотики уже не один десяток лет пользуются популярностью и успешно используются для нужд социологической теории и эмпирических социологических исследований. Мы полагаем, что они также могут быть более обстоятельно задействованы в практике разговорного анализа. Естественно, некоторый оштрафенный набор базовых семиотических понятий в нём и так используется, однако мы считаем, что тут есть перспективы дальнейшего развития. И семиотика, и социодраматургический анализ, и этнометодология являются близкими в своих структуралистских основах, или, иначе говоря, опираются на одну картину мира (социальный мир, управляемый смысловыми структурами, преимущественно скрытыми от осознания рядового актора), что сделало реализацию данных перспектив крайне непротиворечивой в методологическом плане.

Таким образом, социология вносит свой вклад в изучение коммуникационных процессов, разрабатывая особый социологический «угол зрения» на эти реалии и процессы, используя значительные собственные методологические наработки и адаптируя их к потребностям изучения меняющихся реалий, а также осваивая и интегрируя достижения смежных областей знания.

Более того, анализ разговора может быть не только «самоцелью», самостоятельной отраслью социологической теории и отдельной сферой эмпирического изучения общества. Наряду с этим он может продуктивно выступать и в качестве вспомогательного средства социологической аналитики в целом.

Во-первых, разговорный анализ как вспомогательное средство имеет особые перспективы для усовершенствования методологии и методов социологического исследования и может приносить большую пользу для эмпирических исследований самого разного уровня (от фундаментально-научных до самых что ни на есть прикладных). В частности, его достижения можно использовать для повышения качества инструментария исследований. Так, перспективным видится проведение «этнометодологической экспертизы» инструментария, например, анкет. В первую очередь речь идёт о минимизации использования индексальных выражений, предполагающих контекстуальную интерпретацию в инструментарии (что, несомненно, будет способствовать однозначности понимания вопросов респондентами и, как следствие, повышению валидности инструментария). По сути, любой социолог-практик осуществляет это на этапе разработки инструментария, однако деятельность эта далеко не всегда полностью осознанная, нередко направляется интуицией, «профессиональным чутьём». Методологические положения разговорного анализа могут и должны дать строго научную базу, позволят разработать унифицированные процедуры контроля и валидации инструментария. В этом плане разговорный анализ может вызвать закономерный интерес не только у социологов, склоняющихся к социокультурной аналитике, интерпретативному подходу и, соответственно, качественным методам исследования. Приведённые выше соображения, по нашему мнению, представляют собой убедительную иллюстрацию того, что и социологам-«количественникам» ознакомления с данной методологией может быть очень полезно¹².

Отдельно следует сказать несколько слов о том, что характерный для этнометодологической и социодраматургической трактовки значимых понятий социолингвистический акцент, является крайне созвучным современным неинституалистским интерпретациям понятия «социальный институт». Это обстоятельство в перспективе способно привести к возведению одного из мостов, связывающих микро- и макро-подходы к изучению общества. То есть можно надеяться, что развитие разговорного анализа станет, пусть и не решающим, но всё же одним из шагов к крайне желательному и долгожданному

¹⁰ Так, например, И. Гофман признавал влияние на себя работ философа и лингвиста Дж. Остина, а понятие «фрейм» он позаимствовал у Г. Бейтсона (причём из его зоопсихологических исследований), общеизвестно, что на становление и развитие этнометодологии огромное влияние оказали психология и клиническая медицина.

¹¹ В т.ч. социолингвистики.

¹² Следует отдельно заметить: мы уверены, что применимость метода разговорного анализа не ограничивается «этнометодологической экспертизой» опросников. Она представляет собой не более чем одно из возможных практических приложений данного метода, а остановились на нём мы столь пространно исключительно потому, что видим его простым и крайне наглядным примером.

методологическому синтезу, синтезу, который разрешит одну из основных проблем современной социологической науки.

Таким образом, можно утверждать, что, как язык служит «краеугольным камнем фундамента» коллективного действия («строительство Вавилонской башни»), так и анализ разговора имеет все предпосылки к повышению своего «статуса» в социологической науке. По нашему мнению, разговорный анализ не должен более восприниматься социологическим сообществом как практически автономная сфера исследований, эксклюзивная вотчина широко известной, и, вместе с тем, экзотичной, чтобы не сказать маргинальной, школы в американской социологии, представители которой исключительно и заняты его разработкой. Мы считаем, что пришло время и есть весомые основания к тому, чтобы анализ разговор занял достойное, приличествующее его перспективной значимости место, причём не только в учебниках по дисциплине «Современные социологические теории», но и в живой, функционирующей и развивающейся социологической теории, а также практике эмпирических исследований современного общества.

Литература:

1. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование/ Хайнц Абельс// Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – т.1. – №1. – С. 98-124.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Питер Бергер, Томас Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 322 с.
3. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / Пьер Бурдьё // Начала. Choses dites: Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 181 – 208.
4. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» / Пьер Бурдьё // Социология политики. Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 53 – 97.
5. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий/ Гарольд Гарфинкель// Социологическое обозрение. – 2002. – т.2. - №1. – С. 42-70.
6. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии/ Гарольд Гарфинкель. – Санкт-Петербург: Питер, 2007. – 335 с.
7. Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий/ Гарольд Гарфинкель// Социологическое обозрение. – 2009. – т.8. - №1. – С. 10-51.
8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта/ Ирвинг Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
9. Ионин Л.Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии/ Леонид Григорьевич Ионин// Социологический журнал. – 2006. - №1/2. – С. 74-90.
10. Романовский Н. В. О современном этапе развития социологии / Николай Валентинович Романовский // Социс. – 2007. – № 1. – С. 22-31.
11. Щютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии/ Альфред Щютц. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.